

А. А. НИКОНОВ

<Из воспоминаний>

Судьбе было угодно распорядиться так, что мне пришлось не раз встречаться с Никитой Сергеевичем и на Старой площади в его кабинете, и участвовать в крупных совещаниях, присутствовать на заседаниях Президиума, посещать с ним хозяйства и видеть его на отдыхе. Припоминается один летний день после тяжелого заседания в Риге, когда Никита Сергеевич на закате солнца, сидя в плетеном кресле на берегу Рижского залива, наизусть с упоением читал некрасовскую «Сашу»¹. Он любил этого поэта, певца русского крестьянства, он любил русскую природу, русскую литературу.

Сентябрьский Пленум ЦК 1953 года стал ярким лучом в нашем темном царстве. Показалось, что забрезжил свет в конце длинного-длинного туннеля. Доклад его на пленуме, как всегда, изобиловавший живыми, выхваченными из жизни примерами, нас потряс. Много было там и других — дежурных выступлений. Диссонировало витиеватое, длинное выступление Молотова, пытавшегося обелить Сталина, который-де тоже продумывал эти вопросы и якобы готовил аналогичные предложения.

Впервые после долгих лет лжи и лакировки Никита Сергеевич честно сказал о причинах отставания сельского хозяйства и Пленум начал решать экономические вопросы: цены, материальная заинтересованность и, конечно, инвестиции в эту главную отрасль народного хозяйства страны, если она хочет сохранить самостоятельность.

В начале 1955 года принимается решение об изменении порядка планирования. До этого, еще с начала 30-х годов сверху диктовалось все: что, сколько, когда и где сеять. Это и в уставе колхоза было в 1935 г. записано². Теперь порядок изменялся. Устанавливался только объем закупок. Ликовал у нас народ, получил это постановление. Но кого-то в Москве оно напугало. И через три

месяца в республики, области, края приехали эмиссары начали разъяснять, что не так, мол, поняли постановление, что кое-где гектары каких-то посевов сокращаются. И опять начали гнаться за каждым гектаром, за каждой головой скота и ставить председателей колхозов «на ковер» в райкомах партии — отчитываться за каждую голову и каждый хвост.

При всей непоследовательности в выполнении решения сентябрьского Пленума все-таки дали очень сильный стимул. Пятилетие после Пленума средней годовой прирост сельскохозяйственной продукции превысил 7 процентов. Это почти как при нэпе, когда он достигал 10 процентов. Позже такого прироста уже не было. После мартовского (1965 года) Пленума³ добились только 4 процентов.

Почему началось снижение на грани 50–60-х годов? Видимо, из-за непоследовательности, торопливости, можно сказать, огульного осуществления ряда мероприятий. Это особенно видно на примере с кукурузой. Ведь кукурузу Иван Александрович Стебут выращивал под Москвой еще в 80-х годах прошлого столетия. В 50-х годах Никита Сергеевич решил ее внедрить очень быстро на территории всей страны. Не получилось. Понадобилось нам 30 лет напряженной работы после создания группы селекционеров «Север» во главе с академиком Галеевым⁴, чтобы получить сорта и продвинуть кукурузу сейчас на 500–600 км на север в России, в Белоруссии, Германии и Польше. Торопливость очень мешала. Ведь тогда без сортов, без семян, без техники, без обученных кадров, без опыта попытались пойти на миллионы и миллионы гектаров. Это было нереально.

Я тогда работал министром сельского хозяйства Латвии и выступал против таких методов. Хотелось бы припомнить один случай, одну длительную полуторачасовую беседу с Никитой Сергеевичем летом 1959 года. При встрече он упрекнул меня за прохладное отношение к кукурузе. Я мобилизовал свою память и изложил десятилетние данные по всем 16 опытным станциям, по каждой культуре и их эффективности (выход протеина, кормовых единиц, себестоимость).

Вначале Никита Сергеевич воспринял это скептически, потом стал внимательно слушать. Дальше разговор перешел на ценовую политику, на дискриминацию крестьян, на увлечение гигантизмом, на административное сселение с хуторов крестьян, на унижительные порядки в торговое, командование сверху и рабское послушание людей снизу. Никита Сергеевич все понял, поверил. Даже сказал (я по памяти и блокноту говорю): «Я вам верю, к вам надо прислушаться. Я не присягал кукурузе... Если клевер хорошо растет, сейте клевер. И кто вас заставлял тащить людей с хуторов?

Зачем вы по полрайона стянули в один колхоз? У вас раньше была хорошая крестьянская кооперация...»

В этой связи замечу: если кто сегодня говорит о том, что Никита Сергеевич был упрямый самодур — это неправда. Он умел прислушиваться и умел слушать.

Я буду очень краток, потому что со мной сидит самый крупный эксперт по целине — Федор Моргун. Здесь, мне думается, Никита Сергеевич продолжил традиционную политику России по освоению Востока. Поднял сотни тысяч молодых людей. 45 миллионов гектаров освоено было. Получено много зерна. Целина давно окупилась. Но допущены и ошибки, торопливость. Припоминаю, что на мартовском Пленуме 1954 года⁵ бывший тогда первым секретарем ЦК Казахстана Пантелеймон Пономаренко набросился на казахских ученых с упреками за то, что они дали такую почвенную карту, из которой вытекает, что не всю целину можно пахать. А ведь это была сущая правда. Пахали и склоны, и почвы с легким механическим составом, и многое другое. Земля ответила взрывом пыльных бурь. И пришлось Бараеву, Кузьмину, Зайцевой и другим ученым трудиться, чтобы остановить разрушение почвы. А ведь опыт Соединенных Штатов Америки и Канады уже был, когда после такого же 1937 года собрали только по 3 центнера пшеницы с гектара. Вот как дорого обходится пренебрежение отечественным и мировым опытом, игнорирование науки.

Никита Сергеевич любил строительство, уделял этому делу много внимания. Я помню, еще в 50-м году в его кабинете на Старой площади стояли фрагменты различных строительных конструкций. Он встречался со строителями, архитекторами. Если сегодня кто-то иронизирует по поводу построенных в его время домов, то это — кощунство. Тогда Москва была опоясана бараками и казарменного типа поселками. Никита Сергеевич вывел из землянок, подвалов и бараков миллионы людей. И этим он оставил о себе добрую память. Но и в строительстве Никита Сергеевич допустил грех — это сселение мелких деревень в крупные поселки.

Казалось бы, прогрессивное дело. Там инфраструктуру и социально-бытовые условия создать легче. В интересах экономичности строительства это выгоднее. Но строительные организации сортировали по всей стране все поселения на «перспективные» и «неперспективные». Перспективных оказалось примерно в 3 раза меньше, а в Нечерноземной зоне — 30 раз. И вот итог. Между переписями 1959 и 1989 гг., то есть за 30 лет, Россия потеряла 141 тысячу 137 деревень. Было 294 598, осталось 152 тысячи, то есть в день исчезало по 13 деревень.

Никита Сергеевич впервые поставил вопрос об интенсификации сельского хозяйства на практическую ногу. Возводились химические комбинаты, машиностроительные заводы, ирригационные каналы. Уникальным примером для нашей страны стала Голодная степь⁶, где комплексно на территории Узбекистана и Казахстана на площади в полмиллиона гектаров построили ирригационные сети, дороги шоссейные и железную, поселки, хлопкоочистительные заводы, всю социальную структуру. Эти затраты окупались. Окупались хлопком, рисом, люцерной, виноградом и т. д.

Многое в действиях Никиты Сергеевича в аграрной сфере не удовлетворяло. Если кто-то злорадствовал, то мы — его искренние друзья, последователи и в какой-то мере дети «оттепели» — огорчались. Это — свертывание личного подсобного хозяйства, кормившего все годы коллективизации основную массу населения страны, что продолжалось и при Брежневле. Это и изживание паров в засушливых районах, где они крайне нужны, изгнание с полей трав, составлявших основной корм для животных в северных и центральных районах. Это и навязывание повсеместно пропашной системы земледелия. Но более всего была непонятна для нас вера и поддержка обер-фальсификатора и профанатора науки — Трофима Лысенко.

Если подозрительному Сталину Лысенко импонировал по идеологическим причинам безудержному подхалимажу, то как мог к нему отнестись прагматик Хрущев? Думается, прагматизм сыграл злую шутку с Никитой Сергеевичем. Лысенко обещал и показывал поля с прекрасными урожаями. Я могу подтвердить это. Получался вроде бы прямой выход в практику, без всяких методологических исканий, мудрствований, чем иногда злоупотребляют ученые. И поверил ему Никита Сергеевич. А на деле-то все оказалось блефом, обманом. В дальнейшем созданная Академией наук под руководством А. И. Тулупникова комиссия⁷ установила массовую фальсификацию.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Никита Сергеевич Хрущев не допустил ни одной ошибки, которая диктовалась бы какими-либо корыстными мотивами. Он допускал торопливость, поспешность, непоследовательность. Но все его помыслы были освещены высшими интересами человека, заботой о человеке, заботой о стране. Да, он воспитан на большевизме, воспринял большевистскую методологию. И в этом трагедия. А ведь он понимал, что на командовании новых проблем не решишь.

Припоминаю, как он в одной беседе сослался на «Былое и думы» А. И. Герцена о том, что мы отстали с освоением картофеля на сто лет от Франции и других стран только потому, что пытались внедрить ее шпицрутенами. Крестьяне это не воспринимали.

Никита Сергеевич поднял руку на бесчеловечную общественную систему, названную диктатурой пролетариата. Система его отвергла. Но тут же он оттолкнул от себя миллионы крестьян, урезав личные подсобные хозяйства, пытаясь обобществить последнюю корову. Крестьянин этого не понял и не простил. А ведь после сентябрьского Пленума тот же крестьянин поверил Никите Сергеевичу, с радостью и пониманием воспринимал многие его начинания.

Еще в прошлом веке было сказано, что Россией управляет не царь, а столоначальник. Но тогда никому не снилось, что на закате XX века этот клан столоначальников расплодился до немислимых размеров и будет расти по геометрической прогрессии на фоне растерзанной России. Это страшная, инерционная и злая сила, бесплодный клан. Хрущев с этой силой боролся и не одолел, как не одолевали до него и после. Но все-таки Никита Сергеевич Хрущев вошел в историю России как реформатор с его неиссякаемой энергией, инициативой, крестьянским умом. Созданная им «оттепель» — наше историческое наследие.

